

Г. В. ПЛЕХАНОВ

От идеализма к материализму

<...> Эстетика Гегеля родственна эстетике его ближайшего философского предшественника — Шеллинга. Шеллинг говорил, что красота есть *бесконечное*, выраженное в *конечной форме*. И так как поэтически творящая фантазия обусловлена эпохами развития мира, то искусство подчинено законосообразному и необходимому развитию, изображение — Шеллинг говорил: *конструирование* — которого составляет задачу эстетики. Поставить перед эстетикой такую задачу — значило провозгласить необходимость научного изучения истории искусства. Конечно, расстояние *entre la coupe et les lèvres* (между кубком и губами) бывает иногда очень велико. Одно дело — *поставить* известную задачу, а другое дело — *решить* ее. К тому же научные задачи не решаются посредством «конструирования», а без него трудно было обходиться философам-идеалистам. Но за Шеллингом, во всяком случае, остается незабвенная заслуга правильной постановки вопроса.

Кроме того, определить красоту как выражение бесконечно-го в конечной форме значило поставить на вид, что содержание не есть нечто безразличное в художественном произведении, а, напротив, имеет большую важность. Да и вообще уже с точки зрения Шеллинга лишалось всякого смысла противопоставление *формы содержанию*. Шеллинг настаивал на том, что *форма не может существовать без содержания, так как она определяется им*. Художественное произведение существует только ради самого себя. В том и состоит святость искусства, что его создания возникают не ради каких-нибудь посторонних для него целей, — например, чувственного наслаждения, или экономической выгоды, или нравственного улучшения людей, или их просвещения. *Искусство существует для искусства*. Эту мысль Шеллинга с восторгом повторяли все шеллингисты во-

обще и наши русские в частности. В известном смысле они были совершенно правы. Но если *произведения* искусства служат конечным выражением *бесконечного*, а его эволюция определяется *эволюцией мира*, то ясно, что искусство всякой данной исторической эпохи имеет своим содержанием то, что было наиболее важным для людей этой эпохи.

У Гегеля основные мысли эстетики Шеллинга получили еще более глубокое обоснование и несравненно более стройную разработку.

<...> В философии Канта мир феноменов был резко противопоставлен миру ноуменов, человек — природе, субъект — объекту. Это дуализм; но философия, если только она не топчется на одном месте, не может удовлетвориться дуализмом. Она стремится к *монизму*. И легко понять почему: потому что *только* монизм, объясняющий мир с помощью *одного* принципа, имеет право претендовать на (более или менее правильное) решение вопроса о том, как относится субъект к объекту. Дуализм не решает этого вопроса, а признает его неразрешенным или же апеллирует к чуду, т. е. ко вмешательству всемогущего существа, которое возвышается и *над субъектом* и *над объектом*. Но высшее существо *едино*. Поэтому апелляция к нему сама является попыткой решить — правда, лишь с помощью фантома — основной философский вопрос в монистическом смысле*.

Фихте хотел устранить дуализм Канта, объявив, что ошибочно видеть в *не-я* (в объекте, в природе) нечто независимое от *я* (от субъекта, от самосознания) и отделенное от него непреходимой пропастью. В действительности «я» *противопоставляет самого себя самому себе и тем полагает не-«я»*. Таким образом, все, что существует, существует в «я» и через «я». Другими словами, природа обязана своим существованием творческому действию сознания и существует только в нем. Это решение вопроса об отношении субъекта к объекту имело в глазах современников два преимущества: оно было, во-первых, *монистично*, а во-вторых, монистично в идеалистическом смысле. Известный романтик Новалис называл Фихте новым Ньютоном, открывшим закон внутренней системы миров**. Учеником Фихте выступил первоначально и Шеллинг. Однако романтики

* Наука тоже стремится к монизму. К нему тяготел и один из гениальнейших представителей науки нового времени — Ньютон.

** *Гайм*. Романтическая школа. Перевод И. Неведомского. М., 1891. С. 317.

скоро нашли, что они умеют «фихтизировать» лучше самого Фихте (*besser fichtisieren als Fichte*). Они провозгласили мир мечтою, а мечту миром и ударились в «магический» идеализм. Тот же Новалис утверждал, что природа есть фантазия, превращаясь в машину, а физика — учение о фантазии*. Вероятно, подобные крайности романтиков и заставили Шеллинга критически пересмотреть вопрос о том, что же такое представляет собою в учении Фихте *я*, «*полагающее*» природу. Поставив перед собой этот вопрос, Шеллинг пришел к тому заключению, что, по мнению Фихте, природу творит конечное человеческое *я*, субъект, обладающий сознанием и волей. Провозглашение такого *я* творцом природы было нелепостью, с которой не мог помириться серьезный мыслитель. Шеллинг поспешил покончить с нею, взглянув на природу как на плод деятельности не конечного человеческого *я*, а бесконечного субъекта, абсолютного *я*. К этому надо прибавить, что творящая природу деятельность абсолютного *я* была, по новому учению Шеллинга, *бессознательной деятельностью*. Стремлением проникнуть в смысл этой бессознательной деятельности абсолютного *я* и порождена была Шеллингова философия природы. Некоторые историки философии говорят, что, вырабатывая свою философию природы, Шеллинг, правда, шел дальше Фихте, но шел в том же самом направлении. В этом много справедливого: разумеется, Фихте не мог считать, что природа создается конечным человеческим *я*. Но, с другой стороны, ему так и не удалось справиться с вопросом об отношении *конечного «я»* к *бесконечному* или, другими словами, *человеческого самосознания к тому бесконечному субъекту, бессознательную деятельность которого творится природа*. У Шеллинга этот вопрос рассмотрен глубже.

У него конечное *я* также создается деятельностью бесконечного *я*, как и природа. Природа есть необходимый продукт *бесконечного «я»*, или — так как она, собственно, не *есть*, а *возникает* благодаря действию абсолютного *я* — природу надо понимать как бессознательное развитие этого *я*. Но деятельность этого *я* не ограничивается бессознательным сотворением природы. К числу явлений природы относятся также и *человек* — *конечный субъект*, в котором *бесконечное «я»* приходит к самосознанию. Таким образом, *субъект* берет свое начало там же, где и объект: в *бесконечном субъекте, в абсолютном «я»*.

* Выражение Новалиса см.: *E. Spenle. Novalis. Paris, 1904*¹ (*E. Спанле. Новалис. Париж, 1904. С. 133*). Гайм, назв. соч., с. 324.

И именно потому, что в *абсолютном* «я» берут свое начало как субъект, так и объект, само оно не есть *ни субъект, ни объект*, ни сознание, ни бытие; оно есть субъект-объект, т. е. *единство, тождество* мышления и бытия.

Система Гегеля была лишь дальнейшей разработкой Шеллинговой философии тождества. Справедливость требует безоговорочно признания того, что у Гегеля философия эта получила несравненно более стройный вид. Так, например, для истории философской теории имеет большое значение то обстоятельство, что Гегель заметил и удалил элемент дуализма, незаметно закравшийся в систему тождества и состоящий в *том, что абсолютное «я», дух, или просто абсолютное ставится Шеллингом вне природы и вне человеческого сознания*. Согласно Гегелю, мир *не только коренится* в абсолютном, но *и находится в нем*. Мир есть совокупность природы и духа. Развитие мира есть развитие абсолютного, его откровение. Такое понимание мирового процесса избавляло философию тождества от риска войти в противоречие с самой собою и закончить дуализмом. Но согласитесь, что оно не оставляло места для того примирения философии с религией, к которому искренно стремился Гегель. Представление о боге как о всемирной силе оказывалось не соответствующим истинному характеру мирового процесса. Те гегельянцы, которые хотели защитить это представление — правое крыло школы Гегеля: Гешель², Маргейнеке, — удалялись от своего учителя. К нему ближе были даже левые гегельянцы — Бруно Бауер, Фейербах, вовсе разрывавшие с религией, а еще ближе — гегельянцы, составлявшие центр школы: Розенкранц, Михеле, Штраус и склонявшиеся к пантеизму*. Вот почему из школы Гегеля и вышла критика евангельской истории, в частности, и критика религии вообще, между тем как философская мысль Шеллинга направилась впоследствии к *теософии*.

Всего же замечательнее и важнее для дальнейшей истории философии было то, что идеалистический монизм, получивший в системе Гегеля самое стройное свое выражение яснее, чем где-нибудь, обнаружил в ней свою крайне *одностороннюю природу*.

* Потом Штраус сделался материалистом и не постеснялся высказать свой новый взгляд в сочинении «Der alte und der neue Glaube. Ein Bekenntnis» («Старая и новая вера. Исповедание»)³, имевшем огромный успех. Но это случилось значительно позже; только что названная книга появилась в октябре 1872 года.

Абсолютное есть субъект-объект, тождество мышления и бытия. Так учил Шеллинг, так учил Гегель. И в то же время абсолютное есть *я*, бесконечный *субъект духа*. На таком его понимании энергично настаивал и Шеллинг и Гегель. Оба они осуждали Спинозу, который, по их словам, не сумел возвыситься от понятия *субстанции* до понятия *самосознания*. Однако субстанция Спинозы, имевшая два атрибута — мышление и протяжение, имела то преимущество, что, в самом деле, была субъект-объектом, единством мышления и бытия. «Возвыситься» от нее до самосознания, т. е. представить ее себе, согласно требованию Шеллинга и Гегеля, как абсолютное *я*, как дух, значило свести ее к одному из ее атрибутов, именно — *к мышлению*. У кого все сводится к мышлению, тот, конечно, монист. Но его монизм не решает вопроса об отношении субъекта к объекту, мышления к бытию, а *уклоняется от его решения*, совершенно произвольно зачеркивая одно из условий задачи. Фейербах, бывший сначала восторженным учеником Гегеля, впоследствии заметил эту слабую сторону *идеалистического монизма*, и тогда он стал материалистом. <...>

